

С.П. МАМОНТОВ

Философия над схваткой

(К 50-летию со дня смерти Николая Александровича Бердяева)

В наши дни крупнейший русский мыслитель XX века Н.А. Бердяев (1874-1948) интересен прежде всего тем, что он жил и творил в решающий и переходный период. Полвека, прошедшие со дня его кончины, и восемь десятилетий со дня роковой победы большевиков весьма знаменательны и в том смысле, что наряду с начавшимся национальным покаянием возобновились попытки более объективно разобраться в "правде" и "неправде", издержках и приобретениях далекого и яркого "смутного времени" начала столетия.

Бердяев стал одним из наиболее беспристрастных "надклассовых" и "наднациональных" очевидцев и участников трех русских революций 1905-го и 1917 годов. В юности, как и большая часть русской интеллигенции, он увлекался марксизмом, даже преследовался властями; революция 1905 года потрясла его своей жестокостью и привела к религиозно-гуманистическому осознанию отечественной истории. Ко времени февральских событий 1917 года он уже находился "над схваткой", чувствуя себя одиноким, чуждым и ненужным. Позднее, после октябрьского переворота, его отталкивало то, как всеобщие фанатизм и нетерпимость изменяли людей, превращая их из личностей достаточно мягкого национального типа в совершенно новую антропологическую разновидность - одержимых волей к действию, к власти, жестоких, агрессивных и духовно примитивных. Таким и стал зарождавшийся практический большевизм.

При этом Бердяев - выходец из высших слоев военной аристократии - отрицательно относился к самодержавию и официальной церкви, но "сознавал совершенную неизбежность прохождения России через опыт большевизма" [1, с. 212]. Особую опасность он видел в сочетании у большевиков исступленной восторженности от новых, привнесенных с Запада идей с толстовской проповедью материальной уравниловки, ведущей к разрушению естественно сложившегося духовно-иерархического строения общества. Широкие народные слои, выдвинутые революцией и представляющие опору большевизма, принесли с собой новую, извращенную структуру русской души, новый психический склад русского человека.

Как зоркий наблюдатель, аналитик и во многом участник событий Бердяев стремился философски осмыслить их, но отнюдь не с консервативных и охранительных позиций. Себя он называл человеком, "восставшим против эпохи и обращенным к будущему". С этим устремлением в будущее связана и большая роль Бердяева (почитателя Ф. Достоевского) как провидца грядущих судеб России. Сразу же после "дебюта" 1905 года он дальновидно предсказал: "Когда в России настанет час настоящей революции, то победят большевики. Я не представлял себе, как слишком

Мамонтов Степан Петрович - доктор филологических наук, заведующий кафедрой мировой культуры Московского государственного лингвистического университета.

многие другие, что большая революция в России будет торжеством свободы и гуманности. Я задолго до революции 1917 года писал, что эта революция будет враждебна свободе и гуманности. Таков трагизм русской исторической судьбы" [1, с. 125].

В контексте современной России с ее разгулом местнического и национального сепаратизма и растущей дезинтеграции страны следует выделить еще один важный мотив в размышлениях Бердяева. Будучи по происхождению русским человеком, а следовательно, обладая характерным для русских людей обостренным чувством патриотизма, он в то же время неизменно показывал себя убежденным врагом как национализма и любых видов ксенофобии, так и лишённого национальных корней космополитизма. О первом он писал: "Современный национализм есть дегуманизация и бестиялизация человеческих обществ. Это есть возврат от категорий культурно-исторических к категориям зоологическим... Национализм идолопоклоннически превращает национальность в верховную и абсолютную ценность, которой подчиняется вся жизнь. Народ заменяет Бога, и национализм не может не столкнуться с христианством, с христианским универсализмом, с христианским откровением о том, что нет эллина и иудея и что всякий человек имеет абсолютную ценность" [2].

А вот его высказывание о космополитизме: "...невозможно и бессмысленно противоположение национальности и человечества, национальной множественности и всечеловеческого единства... Чувствовать себя гражданином Вселенной не означает потери национального чувства и национального гражданства. К космической, вселенной жизни человек приобщается через жизнь всех индивидуальных иерархических ступеней, через жизнь национальную. Космополитизм есть уродливое и неосуществимое выражение мечты о едином, братском и совершенном человечестве, подмена конкретного живого человечества отвлеченной утопией. Кто не любит своего народа и кому не мил конкретный образ его, тот не может любить и человечество, тому не мил и конкретный образ человечества. Абстракции плодят абстракции" [3].

С этой же дихотомией национализма и космополитизма связана и повсеместно в мире существующая, в том числе и в постсоветской России, проблема антисемитизма. Она была актуальна до революции, выражаясь в еврейских погромах; проявила себя в ходе революции, подогреваемая весьма активным участием еврейской интеллигенции в подготовке и проведении последней, ярким воплощением чего стала фигура Л. Троцкого; актуальна она и сейчас, преимущественно на бытовом уровне среди новоявленных сторонников самодержавия и родственного ему по духу сталинизма. Не чуждо ему и такое возрождающееся сословие, как казачество. К чести Бердяева, так же, впрочем, за редкими исключениями, как и к чести всей образованной православной России, он, будучи врагом антисемитизма, утверждал: "...ненависть к целому народу есть грех, есть человеко-убийство, и ненавидящий должен нести ответственность"¹.

Философские и политические взгляды Бердяева на коренные вопросы революции и современной ему национальной действительности, сохраняющие свое значение и поныне, делали его как на Родине, так и в 25-летнем европейском изгнании духовно одиноким: "правая" и "левая" эмиграции относились к нему с недоверием, считая его то "большевиком", то "реакционером", то "западником", то "славянофилом", но он не был ни тем, ни другим, а как человек высочайшей культуры и духовности чурался любого рода экстремизма. Коммунисты и "коммунистоиды" боялись религиозно-этической критики своей звериной практики. Монархисты и русофилы не любили его за то, что он был противником самодержавия: отвергал старую дореволюционную Россию, скептически относился к официальной церкви, открыто признавал, что в марксизме и социализме как "чистых" идеях есть здоровое, вполне согласованное с христианством понимание жизни как служения некой высокой сверхличной цели. Вот как он сам писал об этом: "Странная моя участь: левые считают меня правым, правые

¹ Взгляды Бердяева на роль евреев в мировой истории и на антисемитизм, в том числе в связи с революцией, исчерпывающе изложены в его работах "Судьба еврейства" и "Христианство и антисемитизм" [4].

считают левым, ортодоксы считают еретиком, еретики считают ортодоксом, и всегда я чувствую свой образ искаженным" [5, с. 73].

Для правильного понимания уравновешенности и объективности идейно-политических взглядов русского философа достаточно привести несколько выразительных цитат. Вот как он обращался к новым хозяевам русской жизни - большевикам: "На неблагородстве, на рабстве духовном и на зле хотите вы создать свое новое царство... Пролетарским социализмом движет злоба, зависть и месть, которые и управляют вашими массовыми социалистическими движениями с древних времен до наших дней. Всегда эта психология была неприглядна и безобразна..." [6, с. 177,179]. Большевиком Бердяев неоднократно обвинял не только в жестокости и лживости, но и в узколобом догматизме, отсутствии духовной самобытности и национальном нигилизме. Не менее решительно отвергал он и царскую Россию. Критикуя общественные язвы в своей предсмертной исповеди - книге "Самопознание", он писал: "Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой... Я был совершенно убежден, что старый мир кончился, и никакой возврат к нему невозможен и нежелателен" [1, с. 210, 214]. Еще до отъезда в эмиграцию Бердяев критически относился к Русской православной церкви, утратившей духовную связь с народом, погрязшей в земных неблагоприятных делах, прислуживающей монархическому государству. В то время он писал: "У меня очень нарастало восстание против официального православия, против исторических форм церковности. С горечью должен сказать, что впечатления от церковно-православной жизни у меня были тяжелые и вводящие в соблазн" [1, с. 189].

Бердяев даже выступил о негодующей статьей "Гасители духа", направленной против тогдашнего высшего духовенства, что вызвало открытую антипатию к нему церковников. Отмечая, что в Евангелии, в апостольских посланиях и у большей части учителей церкви мы находим осуждение богатых и богатства и утверждение равенства всех людей перед Богом, Бердяев обвинял официальное православие в измене заветам Христа и извращении христианства в интересах господствующих классов. "У св. Василия Великого и особенно у св. Златоуста, - писал он, - можно встретить такие резкие суждения о социальной неправде, связанной с богатством и собственностью, что перед ними бледнеют Прудон и Маркс" [7, с. 136, 140].

Сделав духовное усилие стать выше борьбы сторон - "красных" и "белых", стремясь очиститься от страстей, Бердяев захотел, по его собственному выражению, "увидеть не только ложь, но и правду коммунизма" [1, с. 226]. В этом смысле он был близок к современной идеологии "социализма с человеческим лицом". Неоднозначным и для многих сомнительным было его отношение в эмиграции к марксизму и позитивным сторонам послереволюционной советской практики более позднего периода. Вот некоторые высказывания, вызывающие особое неприятие правой эмиграции. Считая, что движение к социализму, понимаемому в онтологическом, а не в доктринерском смысле, "есть мировое явление", философ признавался (кстати, за год до смерти): "У меня всегда была советская ориентация, несмотря на то, что я всегда критиковал и продолжаю критиковать коммунистическую идеологию и проповедую свободу. Ничего существенного не произошло в моем отношении к Советской России. Советскую власть я считаю единственной русской национальной властью, никакой другой нет, и только она представляет Россию в международных отношениях" [1, с. 320, 321]. Или более откровенно: "Я согласился бы принять коммунизм социально как политическую и экономическую организацию, но не согласился бы принять его духовно... Я сторонник социализма, но мой социализм персоналистический... исходящий из духовной ценности каждого человека..." [1, с. 226, 227].

Отношение к России как к единому, временно заболевшему большевизмом и атеизмом цивилизационному организму, независимо от того, была ли это Российская Империя или духовно извращенный Советский Союз, отразилось у патриотически настроенного Бердяева и в его конкретном политическом поведении: даже будучи грубо высланным из России, он совершенно отрицательно относился к свержению большевиков путем иностранной интервенции, не верил в Белое движение и не

симпатизировал ему, выступал за скорейшее признание Советской России западными государствами. Зная духовную силу своего христианского народа, он пророчески предсказывал "внутреннее преодоление", а не насильственное устранение большевизма, что, как известно, и произошло, хотя и с большим опозданием. Особенно недвусмысленными стали его настроения в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов: он сотрудничал с созданным во Франции просоветским "Союзом патриотов" и организациями французского Сопротивления. Его дом в местечке Кламар под Парижем превратился в интеллектуальный центр просоветски настроенных русских и французов. Он часто посещал советское посольство и подолгу беседовал с советским послом. Правоэмигрантская газета "Новое русское слово" уже после смерти философа писала: "Среди тех, кто внес в русскую политическую эмиграцию смущение, смуту и разложение, Бердяев был одним из первых и наиболее авторитетных" [5, с. 113].

Конечно, отношение к Бердяеву как к просоветски настроенному мыслителю, якобы симпатизировавшему революционерам вообще и большевикам в частности, было достаточно упрощенным и продиктованным застарелой обидой бывших хозяев на революцию, лишившую их материальных богатств и высокого социального статуса. Как православный русский человек, усвоивший духовный опыт современной ему Европы, Бердяев был принципиальным противником любых политических и экономических потрясений, хотя понимал их неотвратимость в определенных условиях места и времени. Он считал, что на революцию как на историческое явление может быть три точки зрения, вернее, к ней может быть три подхода.

Во-первых, ее утверждающий и ее отрицающий "революционный" и "контрреволюционный", т.е. выражающий взгляды людей, непосредственно в ней участвующих, обиженных и обидчиков, угнетенных и угнетателей. Этот подход исповедуют и используют политики и непосредственные творцы насилия с обеих противостоящих сторон. Во-вторых, подход объективно исторический, научный, представленный людьми, познавательно созерцающими революцию, но лично в ней не участвующими. Этот подход воплощают историки и ученые, преимущественно иностранные, а также отечественные, сознательно занимающие "рациональное" положение "над схваткой". Кстати, таким был и Бердяев на начальном этапе отхода от марксизма. И, наконец, в-третьих, подход религиозно-апокалипсический, т.е. позиция людей, принявших революцию, мучительно переживающих ее с точки зрения высших духовных ценностей и остающихся выше ее материалистических обусловленностей. Такой позиции придерживался поздний Бердяев. Из трех возможных подходов к революции - политического, научно-исторического и религиозно-философского - он выбрал последний и именно поэтому приобрел себе много недоброжелателей и врагов по обе стороны эпохального противостояния между "капитализмом" и "социализмом", в том числе и среди полубразованной советской элиты, хотя он ей невольно и "подыгрывал".

Как же понимал и оценивал Бердяев революцию вообще и русскую революцию в частности², имея в виду личный революционный опыт 1905 года и свой последующий переход от марксизма к идеализму и религии? Он придавал революции некий мистический, метафизический смысл, считая ее карой за прошлые грехи. Она была для него во многом слепой стихией, неизбежным роком, порожденным не столько экономическими или политическими причинами ("научное" объяснение), сколько высшим божественным промыслом. В этом смысле он часто ссылаясь на взгляды известного французского философа и публициста Ж. де Местра, анализировавшего с подобных позиций Великую французскую революцию.

Не чуждо было Бердяеву и своеобразное натуралистическое толкование революционных эксцессов, когда возникающая "смута" уподобляется тяжелому

² Мысли о революции высказаны почти во всех сочинениях Бердяева, но наиболее сжато в хронологической последовательности они изложены в главах: "О русской революции" [6], "Русский коммунизм и революция" [7], "Размышления о русской революции" [8], "Русская революция и мир коммунистический" [1] и др.

заболевание, бороться с которым призван сам народный организм. "Революция подобна тяжелой инфекционной болезни, - писал философ. - Раз зараза проникла в организм, нельзя уже остановить неотвратимого течения болезни... Природа революции такова, что она должна дойти до конца, должна изжить свою яростную стихию, чтобы в конце концов претерпеть неудачу и перейти в свою противоположность, чтобы из собственных недр породить противоядие" [8, с. 36, 37]. Русский философ воспринимал любую революцию как "жестокий", "отвратительный", "кровавый", "разрушительный", "безнравственный" разгул демонических сил, неподвластных доброй воле человека. Эта вспышка революционных страстей, как правило, переходит в реакцию, в ходе которой гибнут те, кто их разжигал. При этом виновниками насилия, придающего революции поистине губительный характер, всегда становятся правые или левые экстремисты, а отнюдь не умеренные деятели или партии, неизбежно приходящие к власти после общественного кризиса. Оценивая их роль, Бердяев не устал предостерегать против идеализации как "бунтовщиков", так и "усмирителей", ибо это предполагает возможность "хорошей" или "плохой" революции, что само по себе есть нонсенс.

Небезынтересно сравнить как религиозно-мистический, так и "биологизаторский" подход Бердяева к революции с близкими ему взглядами современника и соотечественника, выдающегося русско-американского социолога и культуролога XX века П. Сорокина. Оба они имели сходную человеческую и творческую судьбу, оба были высланы большевиками из России в 1922 году (даже на одном корабле!), духовно оставаясь верными своей первой Родине, оба считали революцию и ее издержки несовместимыми с христианскими идеалами.

Оценивая взгляды Бердяева на революцию в России в отличие от других "великих" революций в истории человечества, следует прежде всего подчеркнуть, что русский мыслитель, как никто другой, имел право претендовать на особую объективность и беспристрастность в ее понимании. Он, один из образованнейших людей своего времени, мог смотреть на нее с высот мировой истории и мировой культуры, он в равной степени знал свою Родину и европейский Запад и сознательно стремился быть максимально свободным от каких-либо классовых и сословных предпочтений. И хотя русская революция имела все типичные "родовые" черты других подобных событий, было у нее и свое собственное лицо.

Во-первых, она, особенно с ее естественным продолжением - гражданской войной, отличалась крайней жестокостью, радикализмом и стихийностью, ущербностью в ней сознательного, организующего начала. Собственно говоря, это была не столько революция в классическом европейском смысле, сколько бунт и мятеж, стилистически известный со времен С. Разина и Е. Пугачева. Злоба, зависть, ярость, мстительность, психологически подготовленные всей мучительной историей русского народа, были использованы и "канализированы" большевиками в узкогрупповых, а не национальных целях. Не обошлось здесь и без заметного восточного влияния - отдаленных последствий татаро-монгольского ига, привнесшего в русский менталитет достаточно иррационализма и "азиатчины". Обращаясь еще в 1918 году к большевикам в своем открытом письме "О русской революции", Бердяев восклицал: "Вы, революционеры, - восточники по своей стихии и западники по своим учениям, - вы загубили великий замысел Божий о России, вы помешали претворению двух стихий и двух начал (Востока и Запада. - М.С.) в высшую полноту, подлинную всечеловечность" [6, с. 33]. Во-вторых, Бердяев так или иначе разделял распространенное прежде всего в России мнение о том, что западный революционно-материалистический дух, чуждый православному мировосприятию, был искусственно привнесен в Россию еще в XVII веке и здесь, на новой почве, дал достаточно неоднозначные и ядовитые плоды. Их-то и употребили в своих интересах большевики. "Они воспользовались свойствами русской души, во всем противоположной секуляризованному буржуазному обществу, ее религиозностью, ее догматизмом и максимализмом, ее исканиями социальной правды и царства Божьего на земле, её способностью к жертвам и терпеливому несению страданий, но также к проявлениям грубости и жестокости, воспользовались

русским мессианизмом, всегда остающимся, хотя бы в бессознательной форме, русской верой в особые пути России" [7, с. 115]. Таким образом, русская революция в отличие от революций на Западе была явлением преимущественно духовным и религиозным, а не только экономическим и политическим. Большевики, вопреки своему названию, пошли по линии наименьшего сопротивления, "оседлав" традиционную русскую религиозность, веру в царствие Божье на небе, заменив их новой искусственной верой в царствие Божье на земле.

В-третьих, отвечая на традиционный русский вопрос: "Кто виноват?", Бердяев был далек от поисков "персональных" виновников, а тем более от банальных, обывательско-черносотенных рассуждений о том, что "во всем виноваты жида и студенты". Он считал, что революция была не продуктом чьей-то злой воли, а закономерным результатом всей предыдущей истории России и, главное, следствием своеобразной психической структуры русского народа с его противоречивой, взрывоопасной и мятущейся душой. По существу, в революции виноваты не большевики и даже не их вожди, не "международный еврейский заговор", не царь, не старая власть, не буржуазия, не тем более "простой" народ, а все эти социальные силы вместе взятые и выступающие как коллективный субъект Истории. Правда, по причине того, что Бердяев прежде всего был не политиком или социологом, а исследователем национального духа, он все-таки выделял две влиятельные и во многом противостоящие силы, которые могли бы спасти Россию от революции, но не сделали этого, и потому несут особую долю ответственности за революционный кошмар. Этими двумя обвиняемыми были, в глазах Бердяева, перешедшие на службу самодержавию духовенство (вспомним "отлучение" Л.Н. Толстого) и внутренне далекая от народа, "беспочвенная/ революционно-демократическая интеллигенция.

Об одной из этих сил - ортодоксально-консервативном духовенстве - мы уже говорили в связи с неприязненными отношениями, сложившимися у религиозного философа со Святейшим Синодом³. Бердяев обвинял официальное православие в том, что оно к началу XX века не сумело духовно преобразить народ, преодолеть в нем антихристианскую склонность к насилию и разрушительные инстинкты. Именно христианство во всей его первоизданной чистоте, по мысли Бердяева, должно было осуществлять ту правду, к которой на словах призывали революционеры, и тогда бы не восторжествовала революционная ложь.

Что касается интеллигенции, точнее, ее наиболее радикальной и в то же время весьма значительной части, то вся ее история была медленной, но неуклонной подготовкой революционных потрясений трагического XX века. Это, с одной стороны, все те же иллюзии безрелигиозной "свободы", "равенства" и "братства", провозглашение "трудящихся" высшим человеческим типом, отвращение к "эксплуататорам", с другой - "сектантская нетерпимость, подозрительность и враждебное отношение к культурной элите, исключительная посюсторонность, отрицание духа и духовных ценностей, придание материализму почти теологического характера" [7, с. 100]. Подобные установки и воплотились в революции, которая затем, по неумолимому закону Истории, и "пожрала" своих творцов.

Неоднозначно отношение Бердяева и к главным "деятелям" революции, ее "виновникам" в обывательском представлении и в глазах ее наиболее ожесточенных противников. Имеются в виду большевики и лично В.И. Ленин. Философ считал поверхностным и ложным видеть в них лишь воплощение внешнего насилия над русским народом. "Большевики не шайка разбойников, напавших на русский народ в его историческом пути и связавшая его по рукам и ногам, и не случайна их победа. Большевизм есть явление гораздо более глубокое и более страшное, более зловещее. Шайка разбойников была бы более невинным явлением. Большевизм есть не внешнее, а внутреннее для русского народа явление, его тяжелая духовная болезнь, орган!..

³ Святейший Синод (1721-1917) - высший бюрократический орган русской православной церкви, фактически осуществлявший руководство ею со стороны государства.

ческий недуг русского народа. Большевизм есть лишь отображение внутреннего зла, живущего в нас" [8, с. 42].

Как стиль поведения, связанный с фанатизмом, нетерпимостью и насилием, большевизм издавна гнезвился в истории России и ярко воплотился даже в ее высших правителях. В этой связи обычно называют Ивана Грозного, Петра Великого, а в наше время, конечно, Ленина и И. Сталина. Не случайно и Иван Грозный, и Петр, и Сталин ради своих государственных идей пожертвовали собственными сыновьями, а у фанатика Ленина их вообще не было. Что касается последнего, то Бердяев, давая ему как человеку и как "вождю" достаточно высокую оценку, считал его духовно примитивным, слишком прямолинейным и лишенным "большой умственной культуры". "Тип культуры Ленина был невысокий, многое ему было недоступно и неизвестно, всякая рафинированность мысли и духовной жизни его отталкивала". По мнению Бердяева, Ленин сначала "не был дурным человеком, в нем было и много хорошего". Но, будучи одержим революцией, он потерял всякое различие между добром и злом, нравственно переродился, "допуская обман, ложь, насилие, жестокость" [7, с. 97]. Ему удалось успешно возглавить октябрьский переворот потому, что он соединил и продолжил в себе две исторические русские традиции - экстремизм безбожной интеллигенции и самодержавно-большевистское понимание власти в ее наиболее деспотических проявлениях.

Анализируя революцию прежде всего с духовно-религиозных и нравственных позиций, Бердяев неизменно обращался и к вопросу о роли в этих событиях русской национальной культуры. Чем глубже культура проникает в народный организм, нейтрализуя в нем стихийные начала и необузданные инстинкты, тем менее значительной становится сама возможность революции. "В революционные эпохи, - считал Бердяев, - обыкновенно правит кучка демагогов, которая ловко пользуется инстинктами масс" [6, с. 126]. Философ неоднократно подчеркивал, что в общественной жизни духовный приоритет всегда должен принадлежать культуре и что не в политике или экономике следует искать решения наболевших вопросов. Инстинкты есть проявление именно животной, а не богочеловеческой сути людей, а поэтому и разгул революции есть крайнее проявление бескультурия.

К сожалению, в дореволюционной, преимущественно "мужицкой", России культурный слой был очень тонким, не имевшим корней в крепких социальных сословиях, да к тому же зараженным идеями, чуждыми национальному менталитету. Мировая и гражданская войны, две революции и последовавший за ними большевистский террор почти полностью уничтожили интеллектуальную элиту страны и надолго лишили ее творческого потенциала. Не следует забывать, что на довоенном рубеже веков Россия испытала краткий, но весьма плодотворный "культурный ренессанс", названный Серебряным веком, и Бердяев как один из его наиболее видных представителей и толкователей особенно остро переживал и отразил в своих теоретических работах о революции столь резкий "перепад" от России Пушкина, Толстого и Достоевского к "распятой России" Пролеткульта и Демьяна Бедного⁴.

Важной частью творческого наследия Бердяева, посвященного русской революции, стали мысли о ее метафизической "пользе" и соответствующие пророчества. Считая, что революция, как и всякое историческое явление, имеет некий трансцендентальный смысл, философ, будучи последователем Достоевского, видел этот смысл в том, что перенесенные в революции страдания нравственно очистят людей и "положительным результатом будут религиозное углубление и возрождение" [8, с. 48]. Коснется это прежде всего духовенства и интеллигенции как главных носителей национальной духовности. Называя христианство "религией распятой правды", Бердяев говорил, что гонения на Церковь, развязанные большевиками, только укрепят ее и что они для нее

⁴ Пролеткульт (пролетарская культура) - культурно-просветительская и литературно-художественная организация (1917-1932), нигилистически отрицавшая классическое культурное наследие прошлого. Демьян Бедный (1883-1945) - один из зачинателей социалистического реализма в поэзии, отличавшийся идейным прислужничеством большевизму.

гораздо полезнее, чем "насильническое покровительство" новой власти. В условиях преследований Церковь, конечно, потеряет в количестве, но выиграет в качестве и преодолет то "омертвление", которое было характерно для нее и ее служителей накануне большевистского переворота.

Нечто подобное после революции произошло и с русской интеллигенцией, пережившей такие же гонения. В связи с тем что уже с первых лет своего правления большевики навязывали обществу материалистическое единомыслие, переросшее позднее в духовный тоталитаризм, интеллектуальная элита, до этого атеистическая или враждебная вере, стала обращаться к религии. Это, по Бердяеву, создавало реальные предпосылки для будущего союза религии и науки, Церкви и интеллигенции, что и необходимо для всякого цивилизованного государства. Если говорить о такой категории, как самосознание того или иного народа, то именно эти две силы формируют и определяют его, обеспечивая духовное единство. Его разорванность, неопределенность, подчиненность другим типам мировосприятия, другому стилю жизни ведут к параличу национальной души, а следовательно, и национального организма. Вот почему Бердяев говорил: "Задача, которая стоит прежде всего перед Россией, есть задача исцеления недуга. Цель, которая стоит перед Россией, прежде всего лежит в сфере духовной культуры. Восстановление и обретение *внутренней духовной целостности* (курсив мой. - М.С.) и есть истинный путь к преодолению внешнего кровавого раздора людей, классов и народов" [5, с. 70]. Ненависть большевиков к духовенству и к интеллигенции - носительнице "русской идеи", которую представлял Бердяев и лучшая часть его поколения, - объединяла и укрепляла духовных оппонентов, но отнюдь не сделала их агрессивными. "Наша любовь всегда должна быть сильнее нашей ненависти, - писал философ, - Нужно любить Россию и русский народ больше, чем ненавидеть революцию и большевиков. В основе нашей политики должна лежать стихийная любовь к русской земле, к русской народной душе" [8, с. 40].

Бердяев, конечно, понимал необходимость хозяйственного развития и роста материального благосостояния страны для преодоления большевизма и духовного возрождения народа. Так, собственно, и развивалась русская история после Октябрьской революции: ведь большевики голодной и разрушенной державы 20-х годов были совсем не похожи на их потомков - коммунистов 60-х, т.е. периода "оттепели", - гораздо менее фанатичных, менее жестоких и бескомпромиссных. Именно в эти годы начался медленный, еще незаметный послесталинский дрейф от коммунизма к социал-демократии. Тем не менее все работы Бердяева пронизывает мысль о том, что не в экономическом, а в нравственном возрождении следует искать ключ к восстановлению Родины, которую мы временно обрекли на страдание. Большевики, фактически грабя законопослушных граждан, сделали фетиш из экономической, притом крайне милитаризованной мощи Советского Союза, пугавшей весь западный капиталистический мир. Бердяев же еще накануне революции писал: "Духовный и культурный расцвет народа предполагает и *некоторое* (курсив мой. - М.С.) материальное могущество, символизирующее его внутренние потенции. Но народ опускается и погибает, когда материальное могущество превращается для него в кумира и захватывает его дух" [3, с. 200]. При этом философ, как и многие религиозные мыслители Серебряного века, считал, что "стремление к материальному могуществу" является характерной чертой как капитализма, так и социализма, как бывшего СССР, так и нынешних США, что потенциально несет угрозу всему миру. Очень симптоматично, что в России подобные идеи высказывались не только философами и либеральной интеллигенцией, но и патриотически настроенными военными. Так, еще в XIX веке близкий к семье Бердяевых известный русский военный деятель и педагог, член Государственного Совета генерал М. Драгомиров по-солдатски прямолинейно и грубовато сформулировал эту мысль, утверждая, что экономическая идея никогда не была и никогда не будет определяющей в жизни народов, ибо "народы живут не для того, чтобы жрать".

Поскольку сейчас в России происходит внешне "мирная", но уже стоившая достаточно крови "революция наоборот", т.е. плохо управляемый переход от псевдосоци-

ализма к не менее карикатурному капитализму (хотя оба эти строя, с религиозной точки зрения, сами по себе достаточно безнравственны), взгляды Бердяева на революцию вообще и на русскую революцию в частности представляются весьма актуальными и многозначительными. Правда, он не смог предвидеть, что в наши дни в России главный духовный конфликт во время преобразований будет не между классами, которые за несколько десятилетий советской власти достаточно растворились в едином "советском народе", а выразится в национально-освободительной борьбе многочисленных народов и этнических групп, населявших Российскую Империю и ее преемника - СССР.

Иными словами, вопреки классической марксистской схеме, сейчас у нас идет борьба (к счастью, пока лишь на политическом и идеологическом уровнях) не столько между "бедными" и "богатыми", коммунистами и псевдодемократами, сколько между национал-патриотами, "интернационалистами" и космополитами. Выступают не столько сторонники бывшего СССР против "прогнившего" западного мира, сколько правые коммунисты, бывшие хозяева советской империи - носители идеи великодержавности - против не укрепившегося еще режима. Нынешние идейно-политический разброд и разногласия, разобщающие народ и в конечном счете угрожающие безопасности страны, привели к тому, что даже президент призвал российских политиков и ученых к примирению и выработке новой национальной идеи или идеологии, хотя и неспециалисту понятно, что подобные вещи складываются столетиями, не делаются по заказу и в одночасье. Даже такие широкоизвестные и общепринятые понятия, как "американская мечта" или "русская идея" (в разработке последней принимали участие лучшие национальные умы, в том числе В. Соловьев и Н. Бердяев⁵), уходят корнями в отдаленные времена возникновения и первоначального становления обоих народов.

При знакомстве с творческим наследием Бердяева крайне поражает та враждебность и то небрежение, которые проявляли к нему полуграмотные коммунистические "теоретики". Его труды были запрещены в Советском Союзе, хотя, как мы уже отмечали, официальная советская идеология могла бы почерпнуть в них много убедительного и полезного для своего пропагандистского арсенала. Да и сегодняшние российские "демократы" и западники, историческая правота которых нуждается в дополнительных доказательствах, не слишком часто обращаются к творчеству Бердяева. В этом отношении, как это ни странно, гораздо дальновиднее оказался лидер КПРФ с национал-патриотической окраской Г. Зюганов. Среди выдающихся философов "русской идеи", "без современной трактовки которой, - по его словам, - вряд ли осуществим плодотворный поиск путей восстановления государственно-политического тела страны в свойственных ему исторических параметрах", Зюганов наряду с Вл. Соловьевым, князьями С. и Е. Трубецкими, священниками П. Флоренским и С. Булгаковым упоминает и Н. Бердяева [9].

В острой идейно-политической борьбе, разворачивающейся сегодня в России, Бердяев оказался на некоем нейтральном идеологическом поле между "правыми" и "левыми", между "патриотами" и "космополитами", между сторонниками великодержавности и сторонниками национально-этнического самоопределения. Принципиальное неприятие Бердяевым старого русского противостояния западников и славянофилов отталкивает от него последователей и тех, и других; отказ от восхваления прошлой России и признание возможностей России будущей (в том числе с некапиталистической перспективой) делает его подозрительным в глазах консерваторов и интересным для реформаторов; осуждение им русского национализма и имперской идеологии привлекает к нему "демократов" и вызывает недоверие "патриотов"; осуждение союза Церкви и Государства отталкивает от него "державников" и привлекает к нему интерес сторонников гражданского общества.

Каким же образом можно кратко определить духовную сущность нашего

⁵ Одной из последних работ Бердяева, опубликованных за рубежом в 1946 году, была его широко известная монография "Русская идея", в которой он как бы резюмировал все свои взгляды на духовную историю России и ее культуру.

выдающегося соотечественника? К счастью, за год до своей смерти он сам определил свое общечеловеческое кредо: "Я принадлежу к сравнительно редким людям, для которых всякий иностранец такой же человек, как и мой соотечественник, все люди равны, и в своем отношении к ним я не делаю никакого различия по национальностям... Отталкивает меня лишь национальное самомнение и национальная исключительность и более всего отталкивает в русских. Остро отрицательную реакцию во мне вызывает антисемитизм. Русский национализм был для меня максимально неприемлем. Но сам я горячо люблю Россию, хотя и странною любовью, и верю в великую универсалистическую миссию русского народа. Я не националист, но русский патриот. Я также противник самомнения и самоутверждения европеизма и защищаю русский восток" [1, с. 252].

Для сегодняшней российской интеллигенции - наследницы и носительницы тысячелетней русской культуры - Н. Бердяев важен как наиболее беспристрастный духовный ориентир и пророк. Он, будучи сыном своей страны, но во многом человеком европейского Запада, способствовал преодолению застарелого цивилизационного противостояния между Россией и западным миром, преодолевая как местнический, так и мондиалистский синдром. Он предостерегал нас против неობольшевизма, бездуховной массовой культуры, нигилистического отношения к идеям социальной справедливости, онтологически заложенным в социализме. Бердяев возвращает нам идею Бога, своим творчеством вновь включает нас в мировой, прежде всего европейский культурный контекст, без чего невозможно возрождение Отечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бердяев Н.А.* Самопознание. М., 1990. С. 212.
2. *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М., 1994. С. 345, 347.
3. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1918. С. 93, 95.
4. Тайна Израиля. "Еврейский вопрос" в русской религиозной мысли конца XIX - первой половине XX в. СПб., 1993. С. 328.
5. Дмитриева Н.К., Моисеева А.П. Философ свободного духа // Н.А. Бердяев. Жизнь и творчество. М., 1993. С. 73.
6. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990. С. 177, 179.
7. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 139, 140.
8. Бердяев Н.А. Новое средневековье. М., 1991. С. 36, 37.
9. Зюганов Г.А. Россия и современный мир. М., 1995. С. 15.